



# Эвелина Тень



КУКЛА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

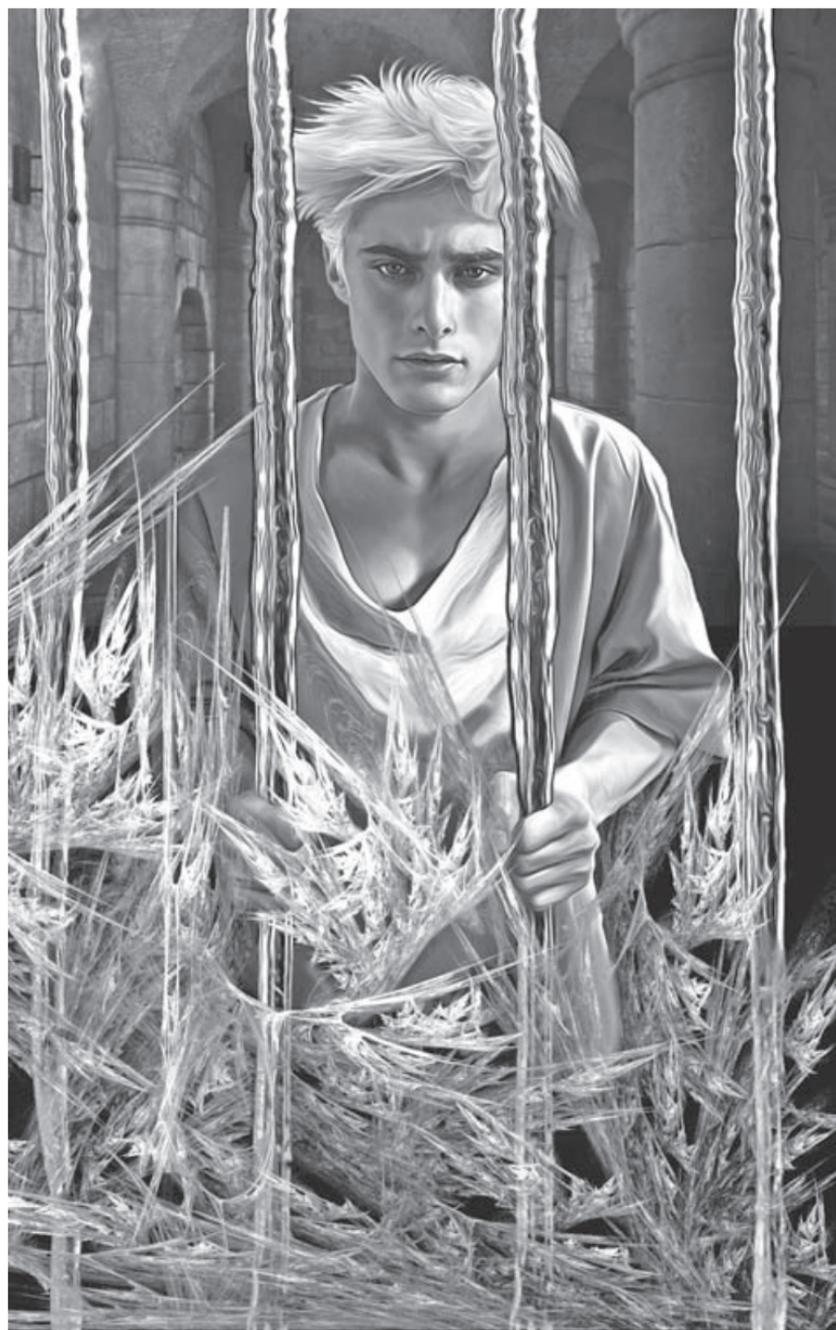
НЕВЕСТА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

ЖЕНА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

ПОПАДАНСТВО СО СКИДКОЙ

ПОПАДАНСТВО СО СКИДКОЙ. АРХАЛОР И ЛЕДЯНОЙ МИР

ЦАРИЦА



## Часть первая

### АРХАЛОР

Я всегда знала, что умница и красавица, тут даже без вариантов, но то, что я ко всем прочим своим достоинствам еще и гениальный целитель, выяснилось только в мире под номером сто шестьдесят девять.

Не знаю, были ли причиной встроенная при переходе согласно договору оплаченная опция, всемогущая магия виллардов или мой собственный природный талант, в который я все сильнее и искреннее начинала верить, но наследница рода дер Грандер-Стант, пребывающая больше года в забвении — а по-нашему, так похоже, что в коме, — была возвращена к полноценной жизни менее чем за полчаса. Да и то я процесс растянула подольше, испугавшись скорости, с которой наливались соками ее ослабевшие мышцы и увядшее лицо. Так что когда девушка наконец глубоко вздохнула и распахнула оказавшиеся кобальтово-синими глаза, ничто в ее облике не напоминало ту подсохшую бледную немочь, что изрядно ужаснула меня при входе в комнату.

Граф дер Грандер-Стант, ничуть не стесняясь, на коленях рыдал перед мало что понимающей спросонья дочерью и пылко целовал ей руки. Потом неожиданно решил, что той еще необходим покой, и переключился на меня: в смысле экспрессивно и тщательно вытирал свою мокрую от слез (я усиленно внушала себе, что именно и исключительно от слез, а не еще от чего-нибудь), счастливую и потрясенную физиономию о мои пальцы, при

этом оглушительно причмокивая. Между чмоками и счастливыми взрыдываниями мне все-таки удалось разобрать заверения в том, что граф теперь навечно мой должник, и внушающее оптимизм обещание исполнить все, что только пожелаю.

Для начала я пожелала крепкой настойки. Следовало нервное напряжение снять и само знаменательное событие отметить. Все ж таки я не каждый день людей к жизни возвращаю! Хм... тут я призадумалась. Или каждый?! Вчера вот туземку от черницы исцелила, позавчера вилларда от верной смерти спасла. Ой мамочки! Я реально пошатнулась, оценив масштабы своей вспомогательной деятельности. Нет, с целительством надо завязывать, у меня же секс-тур, а не медико-оздоровительный! Я тут же взяла с графа клятву не разглашать подробностей выздоровления его дочери. Тот, правда, очень удивился, призывал Богиню и, наоборот, рвался оказать мне всяческую протекцию и рекламу в этом плане среди аристократов, но я была непреклонна. Это чтобы я весь отпуск семейным врачом проработала?! Как наяву слышу издевательский хохот Зинаиды Петровны! Ведь именно по рекомендации своего непосредственного руководителя я и рискнула впервые провести отпуск в другой реальности, да еще и придать отдыху эротическую направленность. Повезло воспользоваться скидочной акцией «Два мира по цене одного» и за приемлемые деньги стать обладательницей тура не только в Кальдасторию, но и в идущий к ней в нагрузку Ледяной мир. Несмотря на определенные бытовые неудобства, попадан-путешествие в целом меня пока радовало: благодаря выразительному бюсту я считалась в мире сто шестьдесят девять, в котором сейчас находилась, неотразимой и непревзойденной красавицей, а романтическая встреча с представителем волшебного народа виллардов активировала мои целительские способности, сделав их намного ярче и сильнее, чем оплаченный по договору базис.

После крепкой настойки, графин которой мы с дер Грандер-Стантом распили на двоих сразу по выходе от его дочери, оставленной на попечение служанки, в мозгах внезапно прояснилось, и я смогла приступить к обсуждению платы за свои услуги. К сожалению, на графа настойка своего отрезвляющего действия не оказала, отчего он, захмелевший еще от нежданно свалившегося на него счастья, к концу нашего импровизированного междусобойчика совсем потерялся. Повторял беспрестанно с пьяной щедростью, что премного мне обязан, но никак эти обязательства в материальном плане не конкретизировал. Поэтому, когда он в пятый раз потянулся ко мне целовать ручки, при этом как бы незаметно утираясь моим же собственным подолом, я несколько раздраженно передала местного аристократа его камердинеру и задумалась, что мне делать.

Оказалось — и это явилось приятным сюрпризом, — что до того, как наклюкаться, граф объявил меня своей гостьей и распорядился подготовить мне комнаты. Ну, предполагал, должно быть, что целительство затянется дольше чем на полчаса. Кроме того, мне передали весьма увесистый кошель с деньгами, который вернул мне ненадолго утерянное душевное равновесие.

В общем-то после этого я хотела покинуть дом Грандер-Стантов, но дворецкий умолил меня остаться, уверяя, что граф очень огорчится, когда проспип... хм, отдохнет, а меня не обнаружит. Что ж, выделенные мне апартаменты меня вполне устроили: небольшая приемная (как я ее называю), спальня и — о радость! — полноценная ванная комната. Вместо современной керамической ванны в ней, правда, стояла высокая деревянная лохань, но не называть же из-за этого комнату лоханной?

Последний факт положил конец моим сомнениям. После недели ночевок в гостиницах и на постоялых дворах очень хотелось пожить в нормальном доме. Вспомнить, что я все-таки мадам. Да еще в отпуске. К тому же я

подозревала, что граф отдал приказ меня из особняка не выпускать, пока не будет уверен, что его дочь окончательно выздоровела. Я бы, по крайней мере, на его месте так и поступила: мы же с ним никакого договора не подписали, ответственности сторон не предусмотрели, какие гарантии, что мой целительский эффект долговечен? Вдруг я уйду, унеся с собой кошель с кальдасторскими бито-королями, а наутро наследница рода опять... задремлет?

Так что я решила воспользоваться предложенным гостеприимством и в первую очередь тщательно и со вкусом вымыться. Смыть с себя, так сказать, пыль странствий, следы тревог и усталости и память от прикосновений этих... моих недолгих повелителей. Я расчихикалась при воспоминаниях об аукционе наиле и с удовольствием (и особым старанием) намылила руки, плечи и конечно же бюст.

Тихий отдых после недели скитаний и стремительного вводного курса в реалии мира номер сто шестьдесят девять был настолько прекрасен, что я не торопилась покинуть ванную комнату и провела там не меньше часа. Осознав, что домылась уже до скрипа не только волос, но и кожи, я завернулась в огромное полотенце, больше похожее на простыню, и, пройдя в спальню, с протяжным вздохом разлеглась на кровати. Нет, понятно, что расточительно тратить время на дневной сон, но... я же в отпуске или как?

Едва я сомкнула веки, как раздался вежливый, но отчетливый стук в дверь. Ну вот прямо мысль мою отловили и тут же решили побеспокоить, чтобы мне не было стыдно перед собой за безделье.

— Да? — Я села в кровати, проверив, надежно ли укрывает меня махровая (или типа того) простыня от нескромных взглядов. — Войдите!

— Мадам, — в комнату с поклоном вошла девушка, та же, что открыла мне дверь в особняк дер Грандер-Стан-

тов, — его сиятельство шлет вам свое почтение и спрашивает, когда вы хотели бы с ним пообедать и обсудить планы.

— Что за сиятельство? — не поняла я, изогнув бровь.

Служанка (в ее статусе я сомневалась: то ли горничная, то ли еще кто, со всей определенностью не скажу. У меня-то в нашем мире с личной прислугой была напряженка, так, клининговая компания по договору работала раз в неделю, и все, так что с классификатором подобных профессий я была незнакома) моргнула растерянно и на всякий случай присела в книксене. Я, кстати, взяла это движение на заметку: раньше его как-то не наблюдала живую, понятное дело, а в этом полусредневековом мире вполне может пригодиться. Хм, так вот как надо приседать правильно! Справлюсь легко, сомнений нет. Я же, как и большинство офисных работников, регулярно и усердно посещаю спортзал, а тут нагрузки на мышцы почти никакой! Хмыкнула снисходительно, и это заставило девушку поторопиться с ответом.

— Граф дер Грандер-Стант просит вас назначить время обеда, — выдала она с недоумением.

А, граф! Ну и сказала бы прямо, а то напридумывали тут всяких сиятельств да светлостей, без дешифровальной таблицы не разберешься! Тьфу! Понимаю, что те же обращения существовали и в моей реальности, раз так мой внутренний переводчик мне перевел, но — подчеркни! — исторические постановки никогда не были моей сильной стороной.

— Сиятельство, значит, — пробормотала, нахмурившись, и служанка покосилась на меня боязливо. Мой мрачный вид, однако, не имел лично к Грандер-Станту и уж тем более к его служанке никакого отношения: просто я опять с печалью вспомнила, что являюсь всего лишь собачковой Альдой в мире светлостей и сиятельств. Хм... Ладно хоть фамилию у местного герцога удачно позаимствовала, а то бы вообще чувствовала себя как учитель-

ница начальных классов на светском празднике в столичном «Гараже». Интеллигентно, скромненько и... пипец как неудобно.

— Да, мадам. — Девушка опять сделала книксен, а мои мысли — новый виток. Решено, тоже придумаю себе какое-нибудь почтительно-уважительное обращение. «Мадам» стало мне уже маловато.

Что же выбрать? Что же выбрать? На ум вдруг пришел кинохит всех времен и народов, и я весело захихикала.

Служанка вежливо и терпеливо переждала взрыв моих эмоций.

— Что передать господину графу, мадам? — поинтересовалась она, когда я чуток затихла.

— Передайте, что согласна хоть сейчас, — ответила. Оглядела себя, подумала и исправилась: — Но лучше через полчаса, чтобы я смогла одеться.

Да, в одежде обед пройдет как-то более... цивилизованно. Все-таки хозяин — сиятельство, тьфу на эти титулы!

— Хорошо, мадам. — Девушка вновь присела. — Я могу вам помочь привести себя в порядок?

— Нет, я сама, — отказалась, памятуя неадекватную реакцию на себя местных жителей. Позже, может, привыкну и к реакции, и к прислуге, а пока... привычка к самостоятельности берет свое.

Служанка посмотрела на меня удивленно, даже с легкой обидой, которую она, правда, тут же скрыла, поклонившись особенно почтительно. Посчитала, что я ею пренебрегла, что ли? Фиг разберешь эту их феодальную психологию.

— Как угодно, мадам, — сказала девушка и добавила: — Зайду за вами через полчаса.

Я едва дождалась, пока служанка бесшумно затворит за собой дверь, и сорвалась с кровати, скидывая простыню и устремляясь к своим вещам. Так... что же надеть? Что надеть? Извечный женский вопрос! Хорошо мужчинам: поутру шкаф открыл, что выпало — то и надел,

а нам?! Мучаешься, думаешь, планируешь, сочетаешь, дополняешь, отвергаешь и снова ищешь, ищешь, ищешь... свой неповторимый стиль, подходящий случаю «лук» и идеальное сочетание деталей.

Я перевела взгляд на кучку моей собственности в мире сто шестьдесят девять, и возвышенный внутренний монолог на тему моды и креативного подхода к внешнему виду угас сам собой. Ну, реально выбирать я могу только из шортиков и чулок, да и то сложностей с определением никаких — остановлюсь на чистых и свежих. А дальше... есть единственное платье, купленное Дитрихом, и к нему не слишком подходящий, но тактически важный воротник-пелерина от предыдущего комплекта. Я, похмыкивая, оделась и закрепила не до конца просохшие волосы в узел на затылке. Не самая привлекательная для меня прическа, но я же здесь целительница, так что вряд ли Грандер-Стант станет чересчур придирчив к спасительнице своей дочери, да и вообще... Сделала шаг к напольному зеркалу, отразившему меня в полный рост. Закрытый воротник-пелерину к домашнему обеду однозначно не надевают, так что графу есть на что отвлечься от моих мокрых волос. Довольно улыбнулась. Декольте на маловыразительном платье — Дитрих специально мне такое купил, сто процентно! — небольшое, скромное, но все равно и оно и облегаящая ткань весьма убедительно намекают на то, что я суперкрасавица по местным меркам.

Я победно подмигнула своему отражению и величественной поступью направилась к двери. На полпути озаботилась, правда, что идти уж слишком комфортно. А, ну да. Забыла обувь надеть. Я вернулась и едва сунула ноги в башмачки, как после вежливого стука в комнате вновь материализовалась местная прислуга.

— Мадам, разрешите проводить вас до столовой, — с очередным приседом сказала она, и я кивнула очень по-мадамски:

— Разрешаю.

В душе умилилась такому уважительному отношению: и прислуга отлично вышколена и крайне ко мне почтительна, и граф попросил меня назначить время обеда, а не распорядился, как хозяин. Вот все-таки могут же! А то я тут после недели приключений в качестве наиле едва не разочаровалась в воспитании аборигенов! Или у них от моей... хм, красоты башню начисто сносит и тут уже не до манер?

За этими глубокими философскими размышлениями не заметила, как мы достигли пункта назначения.

Граф не то чтобы культурно поднялся при моем появлении, он вообще не садился, стоя у стола и выжидающе (и с волнением) нас высматривая.

— Ваше сиятельство. — Я проделала подсмотренный у служанки книксен.

Графу этого полуприседа по статусу достаточно или надо поклониться поглубже? Ой, да ну на фиг, вдруг еще мне в декольте заглянет, а я надеюсь на обстоятельную, адекватную беседу.

— Мадам, счастлив вас видеть. — Граф бросил взгляд на мое платье, моргнул, не доверяя зрению, и оттого с поклоном несколько подзадержался. Спихватился и поклонился крайне учтиво.

— Прошу вас к столу, мадам, — пригласил он и самолично, несмотря на присутствие целой команды лакеев, стул мне отодвинул.

— Называйте меня «ваша прелесь», — любезно улыбаясь, попросила я.

Граф, шедший к своему месту во главе стола, споткнулся.

— Моя прелесь, мадам? — переспросил он, стараясь в меру светского воспитания не слишком демонстрировать свое удивление.

Я хихикнула. Ну да, в оригинале так и звучало — «моя прелесь», но произносить следует с большим чувством и первую гласную в слове «пре-э-эльесь» тянуть подольше.

— Нет, ваша прелесть, — терпеливо пояснила я, — это обращение такое. Как к вам «ваше сиятельство», так ко мне — «ваша прелесть».

Ну а что? Чем не обращение? И я так со значением грудь горделиво выпятила. Дер Грандер-Стант задумчиво на нее посмотрел и, прокашлявшись, сказал:

— Конечно, мадам. Ваша прелесть.

Вот! Ни в чем не может отказать спасительнице дочери, как и думала. Я улыбнулась одобрительно и перевела заинтересованный взгляд на накрытый к обеду стол.

О, какое облегчение! Ни одного блюда психоделической расцветки! И ничего кашеобразного или комковидного! Все вполне узнаваемо и на глаз съедобное, аппетитное даже!

Дер Грандер-Стант мою гастрономическую любознательность оценил и, сделав какие-то свои выводы, поспешно сказал:

— Грюндендарф подадут с минуты на минуту, мадам. Его только что доставили из лучшего магазина с площади Возмездия и сейчас сервируют согласно вашему высокому положению. — Он подумал и добавил льстиво: — Ваша прелесть.

ТЬфу! При упоминании о местном национальном блюде для женщин меня реально перекосило, даже недавно обретенный статус «прелести» не удержал от гримасы. Да и название площади, на которой его купили — Возмездия, — внушало определенную настороженность. Я понимаю, что для аборигенов в этом есть символизм, но... мне опять этой гадостью давиться?! Чего ради?

— Не нужно, — торопливо и уверенно заявила я и, отловив растерянность на слегка помятом от неожиданного исцеления дочери и последующей за этим импровизированной мини-пьянки лице графа, пояснила доходчиво: — Я же целитель. Поддерживаю себя в оптимальной форме самостоятельно.

В глазах Грандер-Станта отразились понимание, бурный восторг и даже благоговение.

— Конечно, мадам, ваша прелесть, — сбивчиво проговорил он и ручкой этак элегантно махнул (я залюбовалась), поспешно отсылая обратно на кухню показавшегося в дверях лакея с веселеньким (я вздрогнула) изумрудно-фиолетовым месивом на серебряном блюде.

Перевела дыхание с невольным облегчением. Сделала это экспрессивно и машинально, не подумав. И тут же осознала свою ошибку, заметив, как медленно, но верно стекленеет взгляд графа, метнувшийся к... дарам Богини.

— Хм... ваше свинятельство, — недовольно нахмурилась я и предупреждающе ножичком о бокал с водой постучала: дзинь-дзинь. Ну, это чтобы внимание Грандер-Станта переключить и осмысленность на физиономию вернуть, пока не поздно.

— Моя прелесть? — рассеянно и беспомощно откликнулся господин граф.

— Ваша, — поправила его.

— Моя?! — наивно обрадовался он, и я злобно топнула каблуком по полу.

Тьфу! «Ваша прелесть» обращаться ко мне надо, вот что я имела в виду!

Подняла с колен красивую льняную салфетку и решительно себе ее на шею повязала. Ну чисто как слюнявчик в детском саду! Образ ни разу не мадамский и совсем не прелестный, но что делать, если иначе с местным населением поговорить адекватно невозможно? И это я еще в весьма скромном платье! Не понимаю, у графа рентгеновское зрение, что ли, как он... хм, мою красоту высмотреть сумел?

— Так лучше? — спросила ворчливо и с удовлетворением отметила, как зарделся дер Грандер-Стант.

Я хмыкнула. Нет, серьезно, никогда не видела, чтобы мужчина его возраста, комплекции и довольно высокого

положения заливался нежнейшим, прямо-таки рассветным румянчиком.

— Мадам, извините мою рассеянность и недостойную хозяина невнимательность, — заговорил граф с учтивым кивком, — прошу вас, приступайте к обеду.

А! Ну точно. Судя по развернутой, внятной реплике дер Грандер-Станта, украсить себя салфеткой было тактически верным решением для проведения дипломатических переговоров. Так что да, с салфеткой определенно лучше.

Я дождалась, пока лакей положит мне на тарелку пару кусочков чего-то, оптимистично напоминающего изысканный мясной рулет, и с удовольствием последовала призыву графа. Мы провели некоторое время в молчании: я всю компенсировала издержки дорожной жизни последней недели, стремясь попробовать как можно больше блюд, а граф наблюдал за мной со странным выражением лица: то ли вежливо пережидал, пока я насыщусь, то ли гадал, не померещилось ли ему неожиданное сокровище, ныне скромно прикрытое белоснежной салфеткой. В общем, хотя граф и старался придерживаться светских норм поведения и не слишком на меня пялиться, его взгляд, то и дело возвращающийся к... хм, салфетке, выдавал его заинтригованность. Что ж, я графа тоже порассматривала. И оценила. В этом смысле. И хотя дер Грандер-Стант был еще не стар и благодаря приличному материальному положению выглядел весьма ухоженно, я поставила, хоть и с сожалением, минус напротив его фамилии. И дело было не столько в наличии взрослой двадцатилетней дочери, а в том прискорбном факте, что мои понятия о профессионализме, как оказалось, перекочевали вместе со мной и в мир под номером сто шестьдесят девять. Поясню доходчиво: я не захожу шашни с клиентами. Моя работа в управлении требует ясности, объективности и полнейшей беспристрастности. Ставить ее под сомнение, принимая ухаживания заинтересованных

лиц, это... глупо подставляться. И если аналитик после выполнения договора еще мог бы подумать о продолжении знакомства в личном плане, то к профессиональной этике медицинского работника, в шкуре — мм... форменном халате? — которого я неожиданно очутилась, по моему мнению, требования должны быть еще строже. Так что... я вошла в этот дом лекарем, лекарем же его и покину. С того момента, как я взяла у графа плату за свои услуги, у нас с ним могло быть только деловое партнерство.

Я покосилась на представительного мужчину напротив и вздохнула расстроено. Нет, с целительством надо завязывать однозначно, а то весь отпуск пойдет насмарку! Как я буду смотреть в глаза Зинаиде Петровне?! Ощувив весь обжигающий стыд подобного бесславного возвращения в родное управление, я не удержала сокрушенно-горестного возгласа, и дер Грандер-Стант воспринял его как окончание основной трапезы и возможность завести светскую беседу.

— Мне не выразить словами, мадам, как я благодарен вам за спасение дочери, — кашлянув, взволнованным голосом заговорил граф.

— Ерунда, ваше свинятельство, — легко отмахнулась я. Ой, ну в самом деле! Слова меня никогда особо и не интересовали. Всегда предпочитала благодарность в материальном выражении, но — перед моим мысленным взором соблазнительно мелькнул увесистый кошель с монетами — ее от графа мне уже передали.

— И это когда все столичные целители отказались от нее! — Дер Грандер-Стант экспрессивно взмахнул руками, и я нахмурилась. Даже так? Хм, может, тогда потребовать премиальных? А что? Денег много не бывает, даже если это незнакомая мне национальная валюта.

— Мадам, ваша прелесть, — граф перегнулся через стол и сграбастал мою ручку с явным и настораживающим намерением ее в очередной раз облобызать, — я у вас в неоплатном долгу! Располагайте мной всецело!

Ой, мамочки! Я непреклонно руку свою из захвата высвободила. Понимаю, конечно, что он весь на эмоциях, но сколько уже можно мне пальцы слюнявить?! У меня хоть и супериммунитет, но у них тут почти дикое средневековое, микробов полно, наверное... В общем, неприятно. И антибактериальных салфеток нет, как назло! Ладно, хоть обычной льняной руку оботру, что ли... Я задумчиво стащила с себя салфеточку и старательно пальцы один за другим протерла. Мало ли... свинятельство же!

Граф издал какой-то сдавленный хрип, но я не обратила внимания, продолжая усиленно размышлять над его словами. И главное, сказал так... непонятно... располагайте мной всецело! Это в каком смысле? Нет, если бы не наши деловые отношения, я бы, может, и расположила его, как мне нравится, и сама бы расположилась... в отпуске же!

Граф что-то промычал, затем квакнул, потом приглушенно хрюкнул и наконец, кажется, замурлыкал. Разнообразие производимых им анималистических звуков привлекло мое озадаченное внимание.

— Вы что-то сказали, ваше свинятельство? — вежливо осведомилась я, мимоходом ощутив прилив гордости за то, как легко разобралась в местной системе титулов и непринужденно использую нужные обращения, демонстрируя высокий уровень светского общения. Все-таки мы, русские, выживем в любых условиях благодаря нашему уму и сообразительности!

— Ах... мм... ква... хрю... — любезно повторил граф, странно дергая головой и заливаясь очаровательным румянцем.

И... как это расшифровать, стесняюсь спросить? Может, у меня это, языковые настройки сбились, вот и накладки с переводом? Ой, мамочки! А что теперь делать? Как я аборигенов понимать буду?! У меня три месяца оплаченного отпуска по местному времени!

— Моя... моя прелесть! — сквозь коровье-кошачью речь ко мне сумели прорваться человеческие слова.

Несмотря на ощутимое облегчение от того, что мой встроенный гугл-переводчик, похоже, продолжает работать, я посмотрела на графа Грандер-Станта с неудовольствием.

— Я к вам со всем уважением, ваше свинятельство, — с упреком сказала, — а вы простое обращение ко мне выучить не можете?! Ваша прелесть, надо говорить!

— Моя прелесть! — беспомощно пробормотал граф.

Нет, ну нерусский человек, элементарных вещей запомнить не может! Я вздохнула сокрушенно, и это движение оказалось для Грандер-Станта... сокрушающим.

— Моя прелесть! — жалобно воскликнул он, подавшись всем свои немаленьким телом к... отследила направление... моему декольте.

Ох, салфетку же я с него убрала! Прав был Дитрих, купив мне практически закрытое платье. Но и оно рождает неадекватную реакцию местных мужчин. Хм... или как раз адекватную?

Я подхватила лежащую на столе салфетку и прикрылась ею слегка раздраженно. То я плащом маскировалась, теперь вот салфетками... Нормально, вообще.

— Продолжаем разговор, — возобновила диалог, отметив, что к местному аристократу вернулись разумность и даже подобие самоконтроля.

— Мадам, прошу простить... — сконфуженно заговорил дер Грандер-Стант, но я небрежно отмахнулась от его бормотаний.

— Скажите, какие есть в столице развлечения? — озаботилась насущным. — И где мне лучше всего остановиться, чтобы познакомиться с городом и его жизнью... как можно полнее?

— Но, мадам! — воскликнул граф, правильно оценил мою враз нахмурившуюся физиономию и торопливо исправился: — Моя... простите, ваша прелесть! Почту

за честь, если вы останетесь в моем доме. Пожалуйста, будьте моей гостьей, сколько пожелаете. После того как вы вернули надежду роду дер Грандер-Стант, это самое малое, что я могу вам предложить. К тому же... — граф прервался, подыскивая слова, — моя дочь Сесилия почти год провела в постели, и я был бы благодарен, если бы такая изысканная и блистательная дама, как вы, помогли ей вернуться к светской жизни, да и активной жизни вообще.

Мужчина посмотрел на меня с большим эмоциональным посылом. Но, несмотря на использованные лестные эпитеты, его предложение меня не вдохновило. Это чтобы я сперва в отпуске медиком поработала, а потом еще и нянькой?! Да Зинаида Петровна меня засмеет, если не уволит после такого!

— Мой целительский эффект обратной силы не имеет, — проговорила я с капризностью внезапно вспыхнувшей мега-звезды. Он меня от дочери отпускать боится, что ли?

— Конечно! Я нисколько не сомневаюсь! — пылко заверил меня граф и вдруг нахмурился, покосившись куда-то за мое плечо. Его лицо разом приобрело вид холодный и удивленно-надменный.

С чего бы это? Я с интересом обернулась и вздрогнула от неожиданности.

Оказалось, что все четыре прислуживающих нам лакея отчего-то тихо и незаметно переместились так, чтобы выстроиться в рядок за моей спиной. Вот сейчас не поняла... А, нет, поняла! Я поморщилась с досадой, быстро подхватила сползающую с груди салфетку и обратно ее на манер слюнявчика привесила. Мамочки, я теперь все время так ходить буду, да?

Подобная перспектива отнюдь не вдохновила, так что я посмотрела на лакеев так же возмущенно, как и граф, собираясь поинтересоваться грозно: «В чем дело, уважаемые?» Но не довелось.

В комнату вошел еще один слуга (и куда дер Грандер-Станту столько? Он их разводит? Лакейский питомник у него, что ли?), торжественно преподнося графу круглое серебряное блюдо.

— Вам письмо, ваше сиятельство, — возвестил он и, правильно истолковав недовольное выражение лица своего хозяина, намекающего, что прерывать обед совсем не комильфо, поспешно добавил со значением: — Из королевского дворца.

И, поклонившись мне, сообщил:

— А также послание для мадам.

— Для меня? — Я даже не попыталась скрыть изумление. Кто мне может писать в этой реальности? Неужели... Я похолодела от внезапно пришедшей мысли. Неужели начальство требует досрочно вернуться на работу?! Ну, конец года, напряженка по всем фронтам...

Нафантазировать, как именно пересылаются письма из нашей реальности в эту, я не успела, потому что слуга пояснил:

— Госпоже Альде дер Траун из Главного сыскного управления столицы.

— Ах это! — Я моментально расслабилась и даже размякла.

Дитрих, душка, и полдня без меня прожить не может! А прикидывался таким холодным!

— Мадам? — напрягся граф. — У вас какие-то проблемы? Буду счастлив помочь.

— Никаких проблем! — весело отмахнулась я. — Это от моего пылкого поклонника.

— О, — прокомментировал дер Грандер-Стант, по своей привычке очаровательно зардевшись, — у такой обворожительной дамы, как вы, безусловно, в них нет недостатка.

— Разумеется, — подтвердила я, — но этот самый преданный.

Граф учтиво наклонил голову, а я сосредоточилась на послании от Дитриха. Лист бумаги оказался сложен затыльным образом, и мне пришлось подключить свои хваленые аналитические способности, чтобы правильно развернуть письмо и добраться до его содержания.

Несколько минут мы провели в полной тишине: граф и я знакомились и осмысливали полученные новости, лакеи дисциплинированно ждали. Хм. Пospешила я с выводами насчет полного отсутствия проблем. Дитрих был встревожен, и его обеспокоенность передалась и мне. Он писал, что отчитался по всей форме и покался в том, что упустил наиле, ожидая каких угодно взысканий и горя желанием исправить свою ошибку. Что удивительно, никакого расследования или элементарных расспросов не последовало. Его даже не пожурили, а просто поблагодарили за службу и... отодвинули в сторону. На настойчивые предложения ден Носа продолжить дело ему ясно дали понять, что он этим больше не занимается, да и вообще, то высокопоставленное лицо, от которого исходил приказ, наиле больше не интересуется. Подобное внезапное охлаждение скорее насторожило Дитриха, чем порадовало, и он заподозрил, что правду от него скрывают, о чем и спешил меня предупредить. В конце послания маг настойчиво предлагал мне три совета на выбор: затаиться (вообще не рассматривала), принять его покровительство (задумалась на минутку, но нигде в тексте не нашла уточнений, что именно сюда входит) и, наконец, найти себе, как наиле, мужчину достаточно богатого и влиятельного, чтобы защитить меня в случае неприятностей. А вот последний вариант ожидаемо заинтересовал, тем более что полностью совпадал с моими отпускными планами.

Я невольно бросила полный скрытого сожаления взгляд на графа дер Грандер-Станта как на самый очевидный в данной ситуации выбор и даже дала слабину, на один-единственный миг допустив мысль нарушить

свои принципы и завести роман с клиентом. Я же в отпуске... да еще в другой реальности... никто не узнает. Тяжело вздохнула. Никто не узнает. Кроме меня.

Я с досадой отбросила Дитрихово письмо, которому уже некоторое время безуспешно пыталась придать первоначальный сложносложенный вид, и пробарабанила пальцами по столу в глубокой задумчивости.

— Мадам, ваша прелесть, — донесся до меня негромкий, даже какой-то заискивающий голос местного аристократа, — дурные новости? Вы помрачнели.

— Да так, — неопределенно дернула я плечом, не спеша раскрывать тайные стороны своей жизни.

Ну спасибо тебе, Дитрих, удружил. Прислал сообщение-головоломку не только по форме (серьезно, это у них нормальная манера так бумагу складывать?!), но и по содержанию. Ведь я хоть в отпуске и снижала существенно активность мозга, но полностью его не выключала и оттого была готова разделить подозрения Дитриха. Что-то затевается, но уже без его участия. Почему вдруг ко мне потеряли всякий интерес? Хотелось бы верить, что заказчик нашел свою настоящую блудную наиле или та сама вернулась добровольно, но... но... Ой, да ладно! Я откинулась на спинку стула и попыталась закинуть ногу на ногу, что в длинном платье с первой попытки не получилось. Буду думать, что для меня все устроилось самым благоприятным образом, никакого подвоха, опасности или скрытых камней не осталось. В конце концов, я же в фэнтези!

— А у вас что? — спросила вежливо.

— Приглашение на ежегодный королевский прием, — равнодушно сказал граф и очень ловко (я проследила с невольной завистью и ревностью) сложил листочек бумаги обратно в оригами. — Уже третье, которое я отклоню...

— О! — воскликнула я, отлавливая еще до конца не определившуюся, но уже, судя по ощущениям, весьма соблазнительную идею, и еще раз: — О! А почему?

— Дочь была больна, я никуда не выезжал, — пояснил дер Грандер-Стант. — Благодаря вам все наладилось, но она еще слишком слаба для таких торжеств.

— О! — сказала я и добавила в тон многозначительности. И бровями так тоже выразительно подвигала туда-сюда. О Сесилии в общем-то речь и не шла. — И... там будет король?

— Конечно, — кивнул мужчина, — и все самые знатные и богатые люди страны.

— О! — снова произнесла я, и на этот раз с большим нажимом. Подумала вскользь, не воспользоваться ли своим супероружием, а то граф как-то туго соображает.

— А вы... — затаив дыхание, спросил иномирный аристократ, уставив на меня распахнувшиеся глаза и являя чудеса догадливости, — ...вы хотели бы поехать? Со мной?!

Ох, мамочки! Ну конечно нет! В смысле не с тобой. Просто поехать. Но, поскольку подозреваю, что к королю с улицы всех подряд не пускают (в нашей реальности я вон даже с рядовым министром лично не знакома, не говоря уж о президенте), то ехать разумно с тем, кто имеет во дворец допуск.

— Мадам, — сбивчиво и горячо заговорил граф, — ваша прелесть... если вы соизволите... найдете время... я буду рад и горд представить вас ко двору. Ведь род дер Траун крайне редко бывает в столице, и рискну предположить, что здесь нужных и полезных знакомств у вас немного?

Э-э-э... да у меня вообще в этом мире со связями не очень. И с полезными, и с бесполезными. А из столичных знакомцев — только Дитрих. Прав, прав дер Грандер-Стант, надо исправлять. К тому же Первая Ищейка активно советовал мне завести солидного платежеспособного покровителя, а где его еще искать, как не на королевском приеме?

Я медленно опустила ресницы, демонстрируя обманчивую скромность и такое же смущение, потом взметнула их вверх и несколько раз похлопала. Нарощенные, конечно, смотрелись бы при такой игре эффектнее, но у меня и натуральные неплохи, так что нужной цели, а именно замороженного внимания дер Грандер-Станта, я добилась.

— Ваша прелесть! — выдохнул граф, подавшись ко мне и с увлечением следя за выделяемыми моими ресницами выкрутасами.

Я даже растрогалась. Приятно же, что местный житель не спускает загнипнотизированных глаз с моего лица, а не... с других частей. Какое-никакое, а разнообразие. А то я в этом мире уже стала ощущать себя бесплатным приложением к всепобеждающим дарам Богини. А тут вот нет, могу не только грудью соблазнять, не растеряла навыков.

— С удовольствием отправлюсь с вами на прием, ваше свинятельство, — скромно сказала я, проигнорировав вопрос о столичных знакомствах рода дер Траун. Откровенно говоря, у меня с этим родом общего только удачно подслушанная фамилия, так что углубляться не стоит.

— Ваша прелесть! — восторженно просиял граф и снова вознамерился облобызать мне руки.

Я недовольно поморщилась, но в свете открывшейся перспективы решила пойти на осознанные жертвы и проворно отдернула только правую ручку, оставив левую на растерзание дер Грандер-Станту. Помусолив ее власть несколько минут, граф поднял на меня слегка прояснившийся взгляд:

— Вы же остановитесь у меня, мы договорились?

Я милостиво кивнула, и он, радостно улыбнувшись, продолжил:

— Когда доставят ваши вещи? Или прикажете послать за ними?

Гм. Хм. И снова гм. А что там, кстати, насчет моих вещей? А, вспомнила. У меня же их нет, высокий индекс достоверности, попаданство в чистом виде, из актива — только предоставленный туроператором костюм, который я и то умудрилась забыть в замке герцога дер Траун-Грасса. О чем я только думала? Неужели по-честному оставила его взамен более дорогого малинового? Или великодушно подарила герцогу, чтобы он, выйдя из заморозки, смог хотя бы запахом наиле насладиться, если не ею самой? Ну, они же тут все жутко носатые. В нюхательном смысле.

Хотя... не представляю, как бы таскала сменное платье длиной до пола в заплочной сумке. А больше у меня и нет ничего, кроме малинового воротника, расчески и сменных шортиков. Все-таки это откровенный минус попадан-путешествия — не иметь при себе любимой (и выгодно подчеркивающей твои достоинства) одежды.

— Ваша прелесть, — жалобно позвал граф, — вы снова грустите?

Я?! Да никогда. Я вообще не имею привычки грустить, только злиться.

Я выразительно воззрилась на Грандер-Станта и заговорила, тщательно подбирая слова:

— Вы ведь понимаете, ваше свинятельство...

— Фридрих, — перебил он меня, и я нахмурилась, сбившись с мысли.

— Что?

— Зовите меня Фридрих, пожалуйста, — застенчиво попросил граф.

— А ваше свинятельство вам чем не нравится? — не поняла я. Нет, сами же напридумывали всяких заковыристых обращений, а теперь что?!

— Всем, всем нравится! — пылко заверил меня дер Грандер-Стант. — Но мне будет очень приятно, если мы начнем общаться по-дружески, ваша прелесть.

Гм, ну не знаю. Мне вот пока прелестью быть не надоело. Всяко почетнее, чем собачковой Альдой.

— Не уверена, — с сомнением протянула я. — Не слишком ли фамильярно? Может, останемся в рамках делового уважительного общения, вы — свинятельство, а я — прелесть?

Граф издал странный звук, что-то среднее между кряканьем и кашлем.

— Мадам, конечно, к вам я продолжу обращаться «ваша прелесть», — проникновенно сказал он и заглянул мне в глаза просительно, — но меня зовите Фридрих, сделайте одолжение. В конце концов, мы будем жить в одном доме, и я со временем надеюсь заслужить вашу дружбу.

Ну... я бы такие далекие перспективы не рассматривала, если честно. У меня же четкий план: обзавестись достойным покровителем на ближайшем же королевском приеме, а это наверняка предполагает смену места жительства. Но... подумала — и сдалась. Уж очень умильно он на меня смотрел, а в отпуске я такая добрая...

— Хорошо, — проявила покладистость, и граф снова припал к моей многострадальной руке. Знала бы, что такая будет реакция, поостереглась бы соглашаться.

— Так вот, — поспешила переключить его внимание, — вы же понимаете, ваше... — Я запнулась и, стремясь соблудности достигнутую только что устную договоренность, исправилась: — Фридрих.

Ой, мамочки! Лицо графа озарилось неудержимым счастьем и враз поглупело. Это что, от одного только обращения по имени?! Какой он чувствительный, однако. Все же мужчины существа очень нежные и загадочные.

Я помахала перед физиономией Грандер-Станта рукой (правой, свободной от лобзаний), возвращая его к разговору.

— Вы же понимаете, — в третий раз начала я, но, наученная горьким опытом, никак обращаться к поплывше-

му аристократу не стала, — что представительница славного древнего рода дер Траун — а приставка «дер» говорит о принадлежности к высшей знати, если вы не знаете...

— Знаю, — вклинился граф, и я покосилась на него с неудовольствием: знает, наверное, сам же тоже из этих, из «дер», но зачем перебивать-то?! Я так никогда свою мысль не закончу!

— Прошу, продолжайте, ваша прелесть! — залепетал Грандер-Стант и пальцы мне тихонечко сжал.

Я посмотрела на них с тоской: пропала рука, до конца беседы он мне всю ее измочалит. Отмываться придется с мылом, а потом еще массаж делать с кремом. Знать бы наперед, стоит ли таких жертв бесплатная аренда спального помещения в престижном районе столицы? Да еще с трехразовым ресторанным питанием? Хм, пожалуй, стоит.

— Я к тому, что знатные дамы обычно не стучатся в первый попавшийся дом, — поспешила с объяснениями, пока меня опять не перебили или не принялись обцеловывать, — и не вызываются работать этими... как вы их называете...

— Целителями? — робко подсказал граф.

— Вот! — обрадовалась я. — Ими! Это драматическая случайность, что я оказалась в такой ситуации...

Тут я послала мысленный упрек Клеопатре Львовне, сделав себе пометку в следующий попадан-тур попытаться протащить чемоданчик с минимальным набором личных вещей и кошелек с местной валютой.

— ...а вам необыкновенно повезло попасться на моем пути.

— Да, мадам, ваша прелесть! — с готовностью подхватил дер Грандер-Стант. — И мне, и Сесилии феерически повезло, что вы соблаговолили заглянуть к нам и помочь! За что не устану благодарить Богиню и завтра же сделаю пожертвование в ее Храм!

Я с удовлетворением отметила, что граф понимает всю ценность моего появления, и слегка приподняла брови, предлагая ему сделать логический вывод из сказанного мной.

Граф моргнул, как мне показалось — растерянно, и опять чмокнул мою ручку. Тьфу! С телепатией у него не очень. Или с логическим мышлением? Все-таки в моем управлении он не работал, если за всю жизнь работал вообще...

— У меня нет вещей, — со вздохом призналась я, решив завязать с намеками, — только скромная дорожная сумка.

Подумала и подпустила таинственности:

— Я здесь инкогнито.

— О, мадам! — экспрессивно вскричал граф, взмахнув верхними конечностями, и едва со стула не свалился и меня с соседнего не свалил. — Я с удовольствием возьму на себя все ваши расходы. Мы прямо сейчас можем отправиться в лучшие ателье города, чтобы заказать вам повседневные платья и самый модный туалет на королевский прием!

Красавчик! Я посмотрела на него с большой благосклонностью и поощрительно поиграла пальцами, к которым граф тут же с готовностью припал. Ну, побалую немножко, раз он такой душка. Вздохнула. Экономически выгодное (и самое простое) решение было взвалить все финансовые вопросы на Грандер-Станта, тем более что он сам об этом просил, но... я же не завожу шашней с клиентами. А согласно нормам поведения приличная дама может принять без всяких обязательств от мужчины только цветы, конфеты и в отдельных случаях — духи. Согласиться на любые другие подарки — значит вольно или невольно дать надежду на более близкое продолжение знакомства. Нет, конечно, можно захватить как можно больше, а потом сделать непонимающее лицо, но это не мой вариант. Так что я всегда все подсчитываю и просчи-

тываю. Как выяснилось — даже в отпуске в другой реальности. В общем, раз я не собираюсь быть его любовницей, то и оплачивать свои расходы буду сама. У меня есть деньги от Дитриха и весьма увесистый кошель с оплатой за исцеление дочери от самого Грандер-Станта.

— Нет, Фридрих. — Голос, правда, дрогнул от жадности, но я смогла продолжить, упиваясь своей высокой принципиальностью: — Вы мне уже заплатили за лечение Сесилии. Этих денег достаточно.

Ну и если откровенно... взгляд скользнул в вырез платья. Представьте только, одежда всю грудь практически полностью закрывает, если только обтягивает, намекая на формы, а воздействие таково, что вполне себе привлекательный и материально состоятельный аристократ от меня не оторвется. Может, конечно, в нем еще дополнительно эйфория от внезапного выздоровления дочери бродит, и все же... Я позволила себе ироничное хмыканье. Полагаю без всякой самонадеянности, что без денег я в этой реальности никогда не останусь. Всегда найдется то один, то другой добрый мужчина...

— Ваша прелесть, — расстроено забормотал господин граф, — я бы хотел всецело взять вас на содержание...

— Нет, я сказала!

Грандер-Стант моргнул испуганно, а потом торопливо погладил мою ручку, извиняясь и успокаивая.

Вот я еще содержанкой не была! Тоже интересный опыт, не спорю, но оставляю его до следующего попадан-путешествия. Мне отчего-то кажется, что я стану у Клеопатры Львовны постоянной клиенткой.

— А вот если вы предоставите мне экипаж, чтобы сегодня же отправиться за покупками, я была бы вам благодарна, — мурлыкнула, смягчая категоричность отказа.

\* \* \*

Откладывать дело не стали, и, пока готовили мне к поездке карету, я сходила за малиновой пелеринкой, кото-

рой и прикрылась предусмотрительно перед выходом в город. Потопталась в холле, нетерпеливо выглядывая в окно.

— Мадам, — донесся робкий писк, и я обернулась.

Юная Сесилия дер Грандер-Стант сделала поспешный глубокий реверанс. Я в ответ кивнула, замеряя взглядом худенькое, но вполне себе живое и активное создание, а не то смертельно-бледное привидение, что увидела при первой встрече. Все ж таки крутой я маг, подумала с удовлетворением и приосанилась.

— Мадам! — взволнованно заговорила девушка, комкая пальцами платье. Спихватилась, вспомнила о манерах и с усилием вытянула руки вдоль тела. — От всего сердца благодарю вас за помощь! Если я могу хоть что-то для вас сделать...

— Можете, — подтвердила я.

— Да? — несказанно удивилась Сесилия, округлив глаза очень привлекательного синего цвета и явно не ожидая такого поворота.

Хм. А зачем тогда предлагала?

Я посмотрела выжидающе.

Девушка быстро оправилась и спросила:

— Что, мадам? Только скажите.

Я улыбнулась с одобрением и поманила ее в гостиную. Ну, меня же позовут, когда карета будет готова, а беседовать в холле — это как-то не по-мадамски. Так что будем соответствовать украденному статусу знатной персоны.

— Граф получил приглашение на королевский прием, — сообщила я, проходя на середину симпатичной комнаты, оформленной в золотисто-коричневых тонах. — Я хочу, чтобы вы поехали с нами.

— Мадам? — Брови Сесилии взлетели до самой прически. — Но... разве мне не рано выезжать?

— А сколько вам лет? — озабоченно нахмурилась я.

— Двадцать. — Она ступевалась. — Вернее, с учетом прошедшего времени... двадцать один.

— Милая моя! — всплеснула руками я. — Так вам не рано, вам скоро поздно будет выезжать! Шутка ли, двадцать один! Далеко не старость, не спорю, но для дебюта вполне подходящий возраст!

— Ах, я не в том смысле. — Сесилия доказала близкое родство с графом дер Грандер-Стантом, покраснев так же мило и стремительно, как и ее отец. — Но... после такой болезни... служанки меня даже сейчас к вам пускать не хотели, говорили, что рано...

Я позволила отразиться на своем лице легкому прохладному недоумению, тут же чутко отловленному и правильно истолкованному.

— Мадам, простите, — в отчаянии заломила руки Сесилия, — прозвучало так, будто я ставлю мнение служанок ровень с вашим. Совсем нет! Вы убедительно показали свой талант, явив настоящее чудо!

— Так в чем дело? — прервала ее я.

— Ах! — расстроено пробормотала девушка и внезапно робко уточнила: — Можно мне присесть?

Вообще-то это ее дом, так что я великодушно махнула рукой, разрешая, и мы с Сесилией одновременно сели: юная графиня скромно присела на самый краешек обитого гобеленовой тканью дивана, а я величественно опустилась в кресло напротив.

— Благодарю, — искренне выдохнула Сесилия, вместе с более устойчивым сидячим положением обретая и необходимую твердость и связность, чтобы продолжить разговор. — Просто я подумала, что еще слаба...

— А вы слабы? — изогнула я бровь, вновь почувствовав уязвляющий намек на недостаточный целительский профессионализм.

— Нет, мадам, — вздохнула девушка и добавила покаянно: — Извините, не хотела вас обидеть. Я чувствую се-

бя замечательно, лучше, чем вообще когда бы то ни было. Но вы же понимаете...

— Нет, — поморщилась я, — не понимаю. Не люблю додумывать, привыкла иметь дело с фактами, специфика работы такая. Так что не могли бы вы облечь свои чувства в ясную словесную форму?

— Ах, мадам! — удрученно воскликнула девушка. — Я ведь и раньше не была общительной... а потом все слабела... никуда не выходила... И на приеме же придется общаться? Знакомиться? Разговаривать? В том числе с... мужчинами!

Последнее слово графиня выдала с каким-то испуганно-страстным придыханием, так что я даже засомневалась в правильности перевода. Может, она имела в виду божество какое-то местное, судя по звенящей эмоциональности тона? Прислушалась повнимательнее. Нет, вроде все верно поняла.

— Разумеется, — подтвердила я, — за тем и едем. Чтобы знакомиться, разговаривать и активно общаться с мужчинами. Предпочтительно знатными и богатыми. И конечно же абсолютно здоровыми и адекватными.

— Мадам, я не смогу, — жалобно призналась девушка, вся как-то сжавшись. — Я боюсь и смущаюсь. Я и до болезни-то мужчин практически не видела и уж тем более не общалась.

— А папа ваш кто? — не поняла я.

— Папа — другое дело, — наклонила русоволосую голову Сесилия, — он не страшный и никогда меня не обидит. Но и он, мадам, был со мной заботлив, но отстранен, как и принято в наших кругах.

Да уж, тяжелый случай. Уточнять, когда и куда делась мать Сесилии, я не стала. Дело в общем-то не мое, а девчонка и так от волнения пошла пятнами.

А графиня горько вздохнула и трагически возвестила:

— Мадам, мне, наверное, следует отложить светские визиты или даже вообще...

## СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. АРХАЛОР . . . . .	5
Часть вторая. ЛЕДЯНОЙ МИР . . . . .	193